

НОВАЯ ГАЗ. - 2004. - 10.16 ИЮНЯ. - с. 29

Владимир СПИВАКОВ:

Завершился фестиваль «Черешневый лес». Подходит к концу очередной концертный сезон. Его итоги мы подводим вместе с одним из лучших скрипачей в мире, обладателем невероятного количества званий, наград и титулов Владимиром СПИВАКОВЫМ.

Я говорил от лица Баха и Шостаковича

— Владимир Теодорович, уходящий сезон был для вас непростым: в декабре провели фестиваль «Владимир Спиваков приглашает», меньше чем за год вы создали Национальный филармонический оркестр, да и о «Виртуозах Москвы» не забывали.

— Как вы понимаете, за год создать оркестр — это в некотором смысле подвиг. От первого концерта в сентябре и до выступлений в мае нами пройден большой путь. Музыканты научились ощущать друг друга. Мы уже записали три диска. Первый — сочинение Исаака Шварца, посвященное холокосту, на втором — «Лебединое озеро» и «Шелкунчик» Чайковского, а на последнем — Третий концерт Рахманинова и его «Симфонические танцы» — произведение безумно трудное для исполнения, являющееся в каком-то смысле духовным завещанием композитора. Мне оно близко тем, что с ним связаны воспоминания о дружбе с Евгением Федоровичем Светлановым. Также для оркестра была очень важной только что завершившаяся поездка по городам Сибири и Урала.

— А на Урале дирижировали вы?

— Да, я люблю ездить по России. Очень трогает теплота, с которой меня встречают люди. Запомнилась одна афиша, на которой было написано: «Национальный филармонический оркестр», мой портрет, в скобках указаны 120 человек и добавлено ручкой: «Приедет сам!!!». А в одном из городов после долгого перелета я спускался с трапа самолета в три часа ночи и увидел телекамеру. Сославшись на усталость, попросил меня не снимать, но телевизионщики мне ответили: «Мы же завтра дадим это в новостях, чтобы люди знали, что вы действительно приехали».

— В последнее время вы нередко говорите о том, что вам все труднее совмещать дирижирование и игру на скрипке.

— Да, но на днях тем не менее я записал соло из «Лебединого озера». И перед этим сыграл в Ереване сольный концерт из произведений Брамса, Шнитке, Пярта и Рихарда Штрауса. Хотя, конечно, возраст так

или иначе меня будет двигать больше в сторону дирижирования, потому что существует физиология, от которой вы никуда деться не можете.

— Влияют ли на вас руководящие должности, которые вам приходится занимать?

— Нисколько. Я только удивляюсь каждый раз, когда вижу табличку на двери своего кабинета, на которой написано «Президент Московского международного дома музыки». Я совершенно не меняюсь, просто надеюсь, что на этом посту смогу сделать что-то хорошее. Ведь Дом музыки только начинает свое существование. И это как раз самый трудный этап, потому что надо приучить публику ходить на наши концерты, создать определенную атмосферу в зале. А вообще, в таком возрасте люди уже не очень меняются. Стареть, я считаю, — это тоже большое искусство.

— Вы много ездите по миру. Где ваш дом?

— В Москве.

— За сорок с лишним лет работы на сцене вы сыграли несколько тысяч концертов. А что вы сейчас чувствуете перед очередным выступлением?

— Любой концерт — это всегда неуверенность в себе. Кроме того, у меня нет понятия «очередной» или «ма-

лый период в жизни (он чувствовал себя одиноким, ему не спалось), позвонил мне в три часа ночи и пригласил к себе в номер. Он сказал фразу, которую я запомнил навсегда: «Не знаю, веришь ли ты в переселение душ или нет. Но мне иногда кажется, что душа Рахманинова поселилась во мне». Во время концерта, особенно больших композиторов, в чью музыку вы глубоко проникаете, возникает ощущение встречи на каком-то космическом уровне. У Баха, Шостаковича и многих других в нотах скрыто очень много шифровок, таинственных символов, которые в некоторых случаях удается понять и раскрыть. И тогда начинаешь чувствовать, что говоришь со сцены от первого лица.

— Вы довольно резко высказывались в адрес музыкальной критики. А сейчас есть ли критика, которая кажется вам профессиональной, или она просто перестала вас интересовать?

— Практически перестала, к тому же у меня нет времени читать газеты. К сожалению, знаю, что очень часто наша критика бывает просто оскорбительной. Например, однажды музыканты мне позвонили и говорят: «Владимир Теодорович, нас страшно обидели, написали, что оркестр напоминает стадо баранов». Если

значения не имеет. Важно лишь то, что есть великий духовный мир, к которому я имею счастье прикоснуться, ощутить дыхание вечности.

— А претензии к самому себе у вас бывают?

— Да, я очень большой самоед. В каждом году наберется от силы два-три концерта, которыми я бываю доволен от и до. Причем память моя так устроена, что я помню свои ошибки 15-летней давности. Сцена для меня в каком-то смысле — поле боя. Где произойти может все: можете подорваться, как на минном поле, или вам могут пулю выпустить в спину. А можете и победить.

— Недавно на концерте «Виртуозов» в Доме музыки вы исполнили и новый концерт Шедрина. Каковы ощущения?

— Поскольку Шедрин не Бетховен, в том смысле, что у Бетховена вы спросить ничего не можете, то я позвонил Шедрину по телефону и узнал, не будет ли он возражать, если в программе по соседству с ним будут какие-то произведения. Концерт называется «Concerto Lontano» («Издали» или «Вдалеке» — в переводе с итальянского). Эта музыка написана легкой акварельной краской, в ней словно сквозь вечернюю мглу или рассветную дымку пробиваются какие-то энергетические ростки. Она чем-то напоминает китайский иероглиф, который можно рассмотреть часами. Шедрин, конечно, большой мастер, его сочинение написано здорово и при этом с легкой самоиронией.

— Кто-нибудь из более молодых отечественных композиторов вам интересен?

— Конечно, есть ряд имен. Скажем, Зягилев, Сильвестров и несколько других. Но, чтобы влюбиться в музыкальное произведение, необходимо некоторое время, прежде чем это сочинение станет моим. Вот с концертом Шедрина так получилось. На самой первой репетиции Родион Константинович сказал: «Володя, доверьтесь себе, а не мне» — я его послушался, начал играть так, как слышу сам, и Шедрин остался вполне доволен. Для меня в музыке важно, чтобы я имел возможность раскрыть ее внутреннее содержание.

При этом яркость музыкального языка не является главным достоинством. Например, в сочинениях Пярта царит минимализм выразительных средств, там нет внешней яркости, но внутри музыки живет колоссальное религиозное чувство, которое заполняет собою весь зал. И благодаря этому человек вовлекается в мистическую атмосферу.

— Вы человек чрезвычайно занятой. Однако кроме творчества занимаетесь и общественной деятельностью. Например, в мае при вашей активной поддержке в Москве прошел фестиваль детского творчества «Москва встречает друзей». Почему вы этому событию уделили такое внимание?

— Недавно я видел программу на НТВ о том, что происходит за сценой. Люди друг друга лапали, показывали свои татуировки, пирсинги и все такое прочее. И в конце концов молодой че-

ловек с двумя серьгами в левой брови сказал: «Дети, будьте такими, как мы». Честно сказать, меня это сильно «напрягло». Я все-таки воспитываю четырех дочерей. Я не хочу, чтобы в детском сердце оставались боль и страх, ощущение полнейшего равнодушия взрослых, встреча с цинизмом и жестокостью жизни.

Если мы сегодня не будем что-то делать в противовес тому, что называется шоу-бизнесом, я не знаю, какое поколение мы вырастим. Поэтому было решено организовать такой фестиваль и пригласить в Москву 800 талантливых ребят из разных концов РФ, СНГ и Балтии. Они играли с оркестром «Виртуозы Москвы», выступали на сцене Московского международного дома музыки, были окружены заботой и любовью.

«Многие музыкальные критики в свое время плохо учились»

ленький» концерт. Если я играю в провинции, то играю точно так же, как в Париже, потому что стоит только немножко себе позволить слабину — через некоторое время вы уже не сможете играть в Париже.

— Когда выходите на сцену, волнение пропадает?

— Да, это происходит постепенно. Вы попадаете в поле музыки, в ее магию. Все остальное перестает существовать перед глазами. Я помню, как однажды на гастролях в Стокгольме Светланов, у которого был труд-

вы возьмете Малера, Шостаковича да и многих других композиторов и вспомните, что о них писали современники, вы увидите гигантскую диспропорцию между великими личностями и... не хочется обижать уничижительным эпитетом газетных критиков. О многих из них я знаю, что они в свое время плохо учились. Сейчас меня это уже не затрагивает, хотя когда-то закалило крепко. Но все равно, каждый раз возвращаясь к музыке, я понимал, что вся эта суета вокруг нее никакого